

Хвоцинская, Надежда Дмитриевна (1825–1889).
Утренний визит : провинциальные сцены / В. Крестовский.

I.

УТРЕННИЙ ВИЗИТЪ,

(ПРОВИНЦИАЛЬНЫЯ СЦЕНЫ.)

Гостиница, убранная очень просто, хотя изящно; мебель сдвинута уютно, без симметрии; множество цветовъ на окнахъ и въ jardinières; на стѣнахъ нѣсколько прекрасныхъ картинъ. На столѣ, предъ маленькимъ диваномъ, въ глубинѣ комнаты, женская работа, — корзинка съ шерстями, узоръ, и прочее. На другомъ столѣ, у окна, рисованье ВѢры.

ВѢРА, (дѣвушка лѣтъ двадцати пяти, одѣта просто, но со вкусомъ; она рисуешь, не поднимая головы и задумавшись).

I.

АННА АЛЕКСѢВНА (*мать ея, входитъ*). Что-жъ, Вѣрочка, ты не одѣнешься?

ВѢРА. Нѣтъ, мамѣ.

АННА АЛЕКСѢВНА. Но кто-нибудь можетъ захватить.

ВѢРА (*весело*). Развѣ ты находишь, что я не довольно хороша и такъ?

АННА АЛЕКСѢВНА. Ты всегда хороша, мое дитя, но зачѣмъ-же,

помилуй, одѣваться такой старухой? Темное платье, закутана. Прилично-ли молодой дѣвушкѣ....

ВѢРА. Ты забыла, что я не молодая дѣвушка.

АННА АЛЕКСѢВНА. Такъ тѣмъ больше. Развѣ можно поправиться кому-нибудь, когда такъ, съ разу, даже своимъ нарядомъ, ты показываешь, что не хочешь правиться? Этимъ можно оттолкнуть только. *(Садится за свою работу).*

ВѢРА *(помолчавъ, встаетъ и подходитъ къ ней).* Знаешь, мамѣ....

АННА АЛЕКСѢВНА *(немного недовольна).* Что?

ВѢРА. Пожалуйста, не думай, что это капризъ; я это обдумала. Ты сейчасъ говоришь, что я отгалкиваю моимъ обращеніемъ....

АННА АЛЕКСѢВНА. Конечно, я это говорю. Ты или молчишь, или разговариваешь серьезно, ни шутки, ни игривости.... да я даже не умѣю объяснить! Пожалуйста, не сердись, Вѣрочка, но я тебѣ скажу откровенно, что будь я молодой человѣкъ, мнѣ съ тобой было-бы скучно.... Пожалуйста, не сердись.

ВѢРА. Сердиться!...

АННА АЛЕКСѢВНА. Положимъ, ты всегда была не большая охотница до выѣздовъ, до удовольствій, но теперь я ужъ и не знаю, что съ тобой сдѣлалось, или — что ты съ собой дѣлаешь. Цѣлый день ты за своей работой, или за своимъ рисованьемъ.... Положимъ, ты въ-самомъ-дѣлѣ рисуешь прекрасно, у тебя талантъ,—но вѣдь на все мѣра; вѣдь можно когда-нибудь и оторваться отъ своего рисунка. А то нѣтъ. Молодые люди пріѣдутъ, — не отцу-же, или мнѣ ихъ занимать; ты не встаешь съ своего мѣста, не обращаешь вниманія.... Видятъ, что ты хороша, знаютъ, что ты умна и любезна, отъ тебя ждутъ любезности, тебя хотятъ слушать, — и все это кончается односложнымъ, пустымъ какимъ-нибудь разговоромъ! Помилуй, такъ ты никогда не поправишься.

ВѢРА. О милая мамѣ, значитъ я не могу нравиться!

АННА АЛЕКСѢВНА. Вотъ идея! стѣдуетъ вообразить, конечно, такъ и будетъ, такъ и есть....

ВѢРА. И всегда такъ было. Ты сама говоришь, что прежде я была мила и любезна,—и вѣроятно, я была лучше нежели теперь...

АННА АЛЕКСѢВНА. Полно, сдѣлай милость, посмотри на себя! Вся закутана въ черное....

ВѢРА *(улыбаясь).* Ты не хочешь замѣтить моего кокетства: ко мнѣ идетъ черное.

АННА АЛЕКСѢВНА *(съ досадой).* Очень!

ВѢРА. Что-жъ дѣлать, я не могу выгнать изъ головы мысль, что я буду смѣшна въ розовомъ.

АННА АЛЕКСѢВНА. Смѣшна? Кому? Я думаю, если замѣчаютъ твой нарядъ, то скорѣе смѣются надъ этимъ.

ВѢРА. Я боюсь, что мнѣ самой будетъ смѣшно.

АННА АЛЕКСѢВНА. Вотъ этого я никакъ не понимаю!

ВѢРА. Я очень хорошо помню свои лѣта. Я не имѣю глуности то-сковать о томъ, что Богъ далъ мнѣ пожить на свѣтѣ, но очень чувствую, что идетъ къ моимъ годамъ, что нѣтъ.

АННА АЛЕКСѢВНА. Сколько старше тебя Сашенька Короновская? Она была у насъ вчера вся въ розовыхъ лентахъ.

ВѢРА. *Vieille fille fait jeune femme*; Сашенька вышла за-мужъ на прошлой недѣлѣ.

АННА АЛЕКСѢВНА. А почему-же ты не за-мужемъ?

ВѢРА (*помолчавъ*). Не знаю.

АННА АЛЕКСѢВНА. Вовсе не потому, что у тебя нѣтъ состоянія, а потому-что ты не умѣешь нравиться.... или, пожалуй, не хочешь,— а это еще хуже. Это доказываетъ холодность, гордость сердца, которая угадывается съ-разу, и спроси кого хочешь, если не вѣришь мнѣ, — только въ романахъ добиваются любви неприступныхъ красавицъ, а на-самомъ-дѣлѣ ихъ оставляютъ въ покоѣ съ ихъ гордостью. То-же случится и съ тобою.... Ты согласна? Не сердись, пожалуйста.

ВѢРА (*рисуя*). Нисколько, увѣряю тебя. Можетъ быть, ты и права.

АННА АЛЕКСѢВНА. Можетъ быть! Никогда не скажетъ прямо — да.

ВѢРА. Мудрено сказать это, мамѣ. Если это такъ въ-самомъ-дѣлѣ, то, стало быть, я родилась такъ. Можетъ быть, я скучна тѣмъ, что не игрива и не кокетлива, но мнѣ самой еще скучнѣе. Не знаю, чего-бы я не дала, чтобы заниматься тѣмъ, что занимаетъ другихъ, но не могу. Когда я была моложе, меня еще веселили наряды, танцы; теперь, право, я счастлива только тогда, когда, вотъ такъ, могу сидѣть покойно и дѣлать свое дѣло. Посторонній, что называется, модный разговоръ — мнѣ въ тягость.

АННА АЛЕКСѢВНА. Хорошо; но вѣдь это должно-же чѣмъ-нибудь кончиться.

ВѢРА. Да это кончилось. Мы останемся вѣчно такъ, — ты за своей работой, я за своей. Съ тобою мнѣ легко и весело.

АННА АЛЕКСѢВНА. Пріятная перспектива!

ВѢРА (*взглядываетъ на нее, и продолжаетъ, будто не слышавъ ея словъ*). Я не въ состояннн, какъ другія, до послѣдней возможности держаться за свою молодость, надѣяться до послѣдней край-

ности, стараться до послѣднихъ силъ.... Я не могу дѣлать того, что нахожу смѣшнымъ въ другихъ.. . Обвиняй себя, мамѣ; ты сама дала мнѣ это прямое понятіе.

АННА АЛЕКСѢВНА. Извини, мнѣ никогда въ голову не входили подобныя нелѣпости.

ВѢРА. Наконецъ, — неправда-ли, ты хочешь, чтобъ я была счастлива? Я выбрала себѣ положеніе и счастлива въ немъ; для чего же мнѣ хлопотать, чтобъ перемѣнить его? И хлопотать напрасно, потому-что много лѣтъ выѣздовъ, нарядовъ, ни къ чему не послужили. Теперь ужъ поздно!.. *(Нѣсколько минутъ молчанія. ВѢра встаетъ и ходитъ по комнатѣ, потомъ съ нѣжностью обращается къ матери).* Я пожила на свѣтѣ, мамѣ,—довольно! Благодарю тебя, что ты меня веселила и утѣшалась мною. Теперь мнѣ не нужно ничего больше, и всякая забота будетъ напрасна: на меня не взглянетъ никто, а если бы и взглянулъ ... не знаю, мнѣ кажется, я сама-бы отвернулась!...

II.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ *(отецъ ВѢры, красивый старикъ, съ благороднымъ и добрымъ лицомъ. Войдя, онъ цѣлуетъ жену, ВѢра подходитъ къ нему).* Здравствуйте. Я думалъ, что васъ нѣтъ дома, погода хороша.

АННА АЛЕКСѢВНА. Что ты сегодня такъ рано воротился изъ должности?

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ. Дѣлать нечего.... Да! къ вамъ будетъ гость.... Покажи, что ты тутъ дѣлаешь, ВѢра. *(Беретъ ея рисунокъ).* О, славно постой, постой нѣтъ, такъ; я думалъ что такое, а это тѣнь, — славно.... Къ вамъ гость будетъ; да знаете ли кто?... Не дѣлай слишкомъ ярко, ВѢра.... Газеты есть съ почты?

ВѢРА. Вотъ онѣ.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ. Что хорошаго?

ВѢРА. Я не смотрѣла

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ. Э, душа моя, какъ-же такъ? *(Беретъ газету и садится на ея мѣсто).* Ты охладѣваешь къ общественнымъ интересамъ А вотъ видишь, вотъ есть и любопытное и очень! *(Весь погружается въ свою газету. ВѢра тихонько беретъ свой рисунокъ, и садится на другой сторонѣ стола, передвигая краски и прочее).*

АННА АЛЕКСѢВНА. Полно тебѣ съ твоей политакой; скажи лучше что-нибудь. Кто хотѣлъ у насъ быть?

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ (*читая*). Что?

АННА АЛЕКСѢВНА. Какой гость къ намъ будетъ?

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ. Нпкакъ не угадаешь, — Зуратовъ. (*Впра
оглядывается*).

АННА АЛЕКСѢВНА. Петръ Ивановичъ?

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ. Да, изъ Петербурга. Сейчасъ его встрѣ-
тилъ; хлопочетъ въ Приказъ. Ничего не постарѣлъ; молодцомъ; подчер-
ненъ, какъ прежде. Увидѣлъ меня, — «Mon Dieu!» французить по-
прежнему.... (*Заглядываетъ въ газету*). Однако, въ Лионѣ опять что-
то ... прочти, Вѣра.

АННА АЛЕКСѢВНА. Какъ вы съ нимъ встрѣтились?

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ (*разспянно*). Помилуй, что-же? мы ни-
когда не были ни друзьями, ни врагами, а просто, сосѣди по дерев-
нямъ. Ему повезло; я продалъ послѣднюю, а онъ накупилъ другихъ и
мою въ томъ числѣ ... Успѣлъ ужъ мнѣ рассказать, что насадилъ ал-
лею отъ нашей бывшей усадьбы до своей, — знаешь, чрезъ весь выгонъ;
башни разныя строятъ ... У него теперь тысяча душъ, если не лжетъ...

АННА АЛЕКСѢВНА. Что вы «лжетъ».

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ. Кажется, онъ этой привычки не оставилъ.
(*Беретъ газету*).

АННА АЛЕКСѢВНА. Однако, теперь у него славное состояніе.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ. Семья велика, человекъ десять.

АННА АЛЕКСѢВНА. Но, все-же ... Вспомнилъ онъ насъ?

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ. Какъ-же. Compliments такіе ... «Что
ваша супруга, помнить-ли, какъ мы съ ней разводили гераніи...» Онъ
думаетъ, что скоро здѣсь отдѣлается, мѣняетъ билетъ какой-то и хо-
четъ кончить все сегодня; я ему сказалъ, что придется пожить денька
три. Много важничаетъ. Я ему сказалъ...

АННА АЛЕКСѢВНА. Что ты, помилуй!

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ. А что-же мнѣ? Я сказалъ, что всякому
время дорого, что кромѣ его дѣла, есть и другія; успѣютъ кончить въ
присутствіе—хорошо, а нѣтъ—для него не въ очередь не стануть рабо-
тать ... право!

АННА АЛЕКСѢВНА (*качаетъ головою; послѣ минутнаго молчанія*).
Есть съ нимъ кто-нибудь изъ дѣтей?

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ. Не знаю, не спросилъ. Да кому-же быть?
Одни учатся, другіе, я думаю, ужъ на службѣ.

АННА АЛЕКСѢВНА. Я думала, старшій сынъ.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГВНЧЪ. Старшій давно служить (*читаетъ*).

АННА АЛЕКСВНА. Какой онъ милый былъ, этотъ Ванюшка. Помнишь его, Вѣра?

ВѢРА (*рисуя*). Помню.

АННА АЛЕКСВНА. Въ немъ было что-то такое кроткое, задумчивое. На мать онъ похожъ.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГВНЧЪ (*разсмѣявшись, оставляетъ газету*). Ахъ, душа моя, вотъ похвалила! Мать прекрасная, а молодой Зуратовъ тѣмъ и хорошъ, что нисколько не похожъ ни на отца, ни на мать; дѣльный малый, откровенный и благородный, если не свернулся. Вѣдь онъ цѣ-
 лья десять лѣтъ, какъ ужъ на своей дорогѣ.

АННА АЛЕКСВНА. Десять! что ты? Онъ послѣдній разъ прїѣзжалъ въ Сотино на вакацію, былъ тогда на выпускѣ, стихи Вѣрочкѣ писалъ...

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГВНЧЪ. Такъ что-же? сколько-же лѣтъ Вѣрѣ?

ВѢРА (*рисуя*). Двадцать шесть.

АННА АЛЕКСВНА. Все равно; мы-же его видѣли потомъ. Да не дальше, какъ два года назадъ, когда я съ Вѣрочкой жила зиму въ Москвѣ, онъ всякій день бывалъ у насъ. Я думаю, Вѣрочка это очень помнить. (*Молчаніе. Александръ Сергвичъ прочитываетъ оба нумера газеты*).

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГВНЧЪ. Ничего нѣтъ больше?

ВѢРА. Ничего.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГВНЧЪ. Ни журналовъ, ни писемъ?

ВѢРА. Ни журналовъ, ни писемъ.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГВНЧЪ. Жаль... А впрочемъ, прекрасно; можно ничего не дѣлать. Вотъ такъ... (*обходитъ окна и жардиньерки*). А розы собираются еще цвѣсть.. Когда-бы я имѣлъ возможность вотъ такъ прогуливаться по необозримымъ цвѣтникамъ, чтобъ кругомъ меня шумѣли фонтаны, соловьи пѣли, ласточки кружились, виноградъ висѣлъ прямо надъ головой... тогда-бы я и газетъ не сталъ открывать, подписку даю! Тамъ спорять, въ другомъ мѣстѣ дерутся,—не шутя, все сердце измучаютъ... И ничего-бы не дѣлалъ, и не заглянулъ-бы въ свою Палату!... Такъ-ли, Вѣрочка? (*обнимаетъ ее и наклоняется къ ея работѣ*). Что ты задумалась?... Славная вещь выходитъ у тебя эта картинка; руки тебѣ далъ Богъ золотыя.

АННА АЛЕКСВНА. Да, Зуратовъ былъ милый, прекрасный молодой человѣкъ; теперъ, можетъ быть, ужъ и женился.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГВНЧЪ. Вотъ этотъ отблескъ, Вѣра, чуть-чуть по-
 розовѣе... такъ.

АННА АЛЕКСѢВНА. Что, дочь Зуратова, я думаю, ужъ большая дѣвушка?

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ. Конечно.

АННА АЛЕКСѢВНА. Хорошенькая она была, я помню, ловкая. Какъ она танцевала!

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ. У тебя добрейшее сердце, другъ мой.

АННА АЛЕКСѢВНА. Знаешь, это наконецъ досадно; по тебѣ нѣтъ ничего хорошаго. Катенькой Зуратовой здѣсь все любовались.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ. Кто-жъ это «все»? Вы, барыни, любуетесь, когда дѣвочку едва не отъ пеленокъ заставляютъ ломаться, плясать качучу, а всякій благоразумный человекъ только смѣется. Нѣжнѣйшіе родители умиляются; Марья Григорьевна сидитъ, руки на груди, въ головѣ у ней колыхаются семь перьевъ цвѣтовъ радуги; Петръ Ивановичъ бѣгаетъ и всемъ рекомендуетъ посмотрѣть на его дочь...

АННА АЛЕКСѢВНА. Ты, кажется, хочешь осмѣять и чувство отца и матери.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ. Да помилуй, другъ мой, что-же это за чувство? Развѣ я самъ не отецъ? Чѣмъ и когда наша Вѣра была хуже Зуратовой, но я-бы никогда себѣ не позволилъ такъ глупо выставить ее на показъ.

АННА АЛЕКСѢВНА. Вѣра!.. Я всегда была безпристрастна и къ своему и къ чужому... Зуратова прелесть, какъ хороша.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ (*немного обиженъ*). Ну, у тебя свой вкусъ и свои понятія о вещахъ. (*Молчаніе*). Ты спроси, что выиграла Зуратова тѣмъ, что отецъ и мать ее наряжали, выказывали и толковали о ней, какъ о чудѣ?

АННА АЛЕКСѢВНА. Я не знаю, что выиграла Вѣра, прячась въ свой уголъ.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ. Очень много: надъ ней не смѣются.

АННА АЛЕКСѢВНА. Найдутъ чему, если захотятъ.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ. Да найти все можно, пожалуй, но дѣло въ томъ, кто найдетъ? Стоитъ-ли дорожить такимъ мнѣніемъ?..

АННА АЛЕКСѢВНА. Такъ, по-твоему, цѣлый свѣтъ ничего не понимаетъ, потому-что все были въ восхищеніи отъ Катеньки Зуратовой. И посмотри, она теперь выѣзжаетъ, составитъ прекрасную партію...

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ. У этихъ барынь, съ чего ни начни, все кончатъ замужествомъ! Ну, она составитъ партію, дай Богъ ей, она, можетъ быть, въ душѣ добрая дѣвушка, но что-же изъ этого? Развѣ непременно выходятъ за-мужъ хорошія, а остаются не за-мужемъ дурныя?

АННА АЛЕКСѢВНА. Не знаю, но увѣрена, что Пертъ Иванычъ ее устроитъ.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ. Очень возможно, у него есть состояніе; или обманетъ кого-нибудь, наобѣщаетъ золотыя горы... Вѣдь это не всякій можетъ сдѣлать. (*Молчаніе*).

АННА АЛЕКСѢВНА. Какъ, я думаю, имъ весело теперь въ Петербургѣ; семья большая.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ (*прохаживается около цвѣтовъ и часто заглядываетъ въ работы Вѣры*). Конечно, въ Петербургѣ весело тому, кто можетъ всемъ пользоваться, а если нѣтъ, то, не знаю какъ другимъ,—а мнѣ было-бы скучнѣе. «Не видишь, не бредишь», поговорка справедлива.

АННА АЛЕКСѢВНА. Но все-же,

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ. Здѣсь, на-примѣръ, я не имѣю возможности слушать оперу, но и тотъ, и другой то-же не имѣютъ возможности, потому-что оперы здѣсь нѣтъ, и все, волей-неволей, сидятъ дома. А тамъ, помилуй, изсохнешь отъ зависти... Такъ ли, Вѣра?

ВѢРА (*смѣясь*). Вы шутите, панѣ; развѣ вамъ легче, когда и у вашего ближняго нѣтъ того, чего у васъ нѣтъ?

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ. А что ты думаешь, — легче. Такова ужъ человѣческая натура. Не видишь у другаго, самъ не желаешь и покоенъ, или, по-крайней-мѣрѣ, нѣтъ этихъ порывовъ. А у меня вѣдь глухой характеръ. Вотъ, ты теперь рисуешь пейзажъ; ты думаешь, куда у меня уходитъ мысль? Я воображаю, какъ тебѣ тяжело, что ты никогда не видѣла и не увидишь ни природы, ни мѣстности лучше нашей, какъ ты стремишься, терзаешься... Я хорошо тебя знаю, твои понятія и наклонности: ты бы сейчасъ полетѣла... Ну, а мнѣ тяжело: я не могу тебѣ этого доставить.

ВѢРА (*слушала его не работая, но потупивъ глаза въ рисунокъ; она оборачивается къ отцу и отвѣчаетъ весело*). Будьте покойны, панѣ, я, право, ничего не хочу.

АННА АЛЕКСѢВНА. Да и было-бы очень странно желать и терзаться, какъ ты говоришь... Что за романическія выходки? Еслибъ она, въ ея лѣта и зная свое положеніе, вздумала мечтать о вояжахъ, помилуй, да это, просто, была-бы бѣда. Что за прихоть.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ. Развѣ я о прихотяхъ говорю?

ВѢРА. Я знаю, о чемъ вы говорите, панѣ. Та-же прихоть, только прихоть души... Но во мнѣ нѣтъ и ея; я покойна и довольна тѣмъ, что кругомъ меня.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ. Хорошо, если такъ. Ты благоразумна, или

такъ создана, что итъ въ тебѣ этихъ стремленій; но спроси другихъ. Не то чтобы, какъ ваши модныя барыни, закапризничаютъ, и тотчасъ нужна перемѣна воздуха, а просто, томить сердце, душа тоскуетъ, глаза хотять изящнаго. Присмотритесь наше житье-бытье, прислушаются наши сплетни; особенно, когда у кого, какъ у тебя, голова не набита балами...

(Вѣра наклонилась надъ рисункомъ, но не работаетъ; она задумалась такъ, что слушаетъ, не слыша. Анна Алексѣвна спокойно вышиваетъ и смѣется).

АННА АЛЕКСѢВНА. Мечтанія, другъ мой!

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ. А что-же развиваетъ эти мечтанія? Вотъ такія книги! (показываетъ на книгу, лежащую на столѣ передъ Вѣрой). Я уже вовсе не мечтатель, старикъ, а прочелъ — и всю ночь спилась Альямбра! Это самыя опасныя книги, путешествія; я-бы ихъ строжайше запретилъ; онѣ хуже вашихъ романовъ.

АННА АЛЕКСѢВНА (смѣется). Ну, ужъ позволъ не согласиться!

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ. Подумай, такъ согласишься. Вы боитесь, что дѣвушка прочтетъ романъ и кончено, — воображеніе у нея возмутилось, сердце разстроено. Пройдетъ! все вылетитъ изъ головы, а *это*—такого рода впечатлѣніе, которое остается на вѣкъ. Тамъ, она знаетъ, что читаетъ выдумки, и не встрѣтитъ въ жизни ничего подобнаго; а тутъ — все истина, всѣ эти наслажденія существуютъ, достаются другимъ... Вотъ и мученіе.

АННА АЛЕКСѢВНА. Но вѣдь надо родиться съ такой восторженной головой.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ. Не однѣ восторженныя, самыя положительныя — и тѣ увлекаются. Потому я и говорю, что эти книги опасны; вотъ гдѣ зло: указываютъ человѣку, къ чему должно стремиться — тантагово мученіе! На что мнѣ это знать? Я счастливъ, когда ничего не знаю, не волнуй меня...

ВѢРА (взглядываетъ на него улыбаясь). Такъ вся бѣда отъ книгъ наша?

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ. Да, отъ книгъ, отъ вашихъ хорошихъ книгъ. Что мнѣ въ томъ, что онѣ развиваютъ мои понятія, гдѣ благо отъ этого? Или я замечтаюсь, захочу Богъ знаетъ чего, стану завидовать ближнему; или онѣ представятъ мнѣ такую истинную картину человѣческихъ страданій, что измучатъ меня, изтерзаютъ... Страдалецъ заставятъ глубже понять свое положеніе; инымъ даже растолкуютъ то, чего-бы они, можетъ быть, въ вѣкъ не поняли, — а средствъ для счастья не укажутъ... Что-же тутъ хорошаго?

ВЪРА. Что-же хорошаго не понимать и не знать? И развѣ это возможно? Книги только называютъ положеніе, а люди видятъ его и безъ книгъ.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ. Тѣмъ лучше, значить, онѣ ни къ чему! Если я самъ знаю, для чего-же мнѣ растолковывать! Дайте мнѣ лучше забыться. И такъ жизнь тяжела, а еще разбирать ее каждую минуту, даже въ выдумкахъ не находить утѣшенія!... Я старъ и сѣдъ, а мнѣ стануть каждую минуту показывать зеркало, весело-ли это? Я плачу, терзаюсь, взялъ книгу,—и тамъ тѣ-же слезы и страданія! Это меня заставитъ или роптать на судьбу, или ненавидѣть людей, которые ничего не хотятъ сдѣлать для счастья подобнаго имъ человѣка...

ВЪРА. Не хотятъ или не могутъ...

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ. Все равно! А не могутъ, такъ тѣмъ хуже, почему не могутъ?..

АННА АЛЕКСѢВНА. Полно вамъ философствовать; пріѣхалъ кто-то.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ (*взглянувъ въ окно*). Зуратовъ! (*идетъ встрѣчать его*).

III.

ПЕТРЪ ИВАНЫЧЪ ЗУРАТОВЪ, (старикъ съ подчеркнутыми волосами, немного худъ, держится «молодцомъ», говоритъ громко, развязно и съ жестами; одѣтъ небрежно, какъ люди, которые не высоко считаютъ общество, въ которомъ являются, но съ прикрасами, какъ человѣкъ, чувствующій свое достоинство; въ петлицѣ сюртука крестикъ, на рукѣ толстый перстень съ печатью, у часовъ огромная цѣпочка и бредоки.)

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ. Милости просимъ, Петръ Иванычъ, узнаете-ли? Жена, дочь...

АННА АЛЕКСѢВНА. Вы-ли это, мой добрый Петръ Иванычъ? сколько лѣтъ...

ЗУРАТОВЪ. Анна Алексѣвна! Боже мой! (*цѣлуетъ ея руку*). Да какъ-же вы перемѣнились!

АННА АЛЕКСѢВНА. Я думаю!

ЗУРАТОВЪ. Не узналъ-бы, право, не узналъ. Каково это! Notre bon vieux temps... А это... (*съ недоумѣніемъ взглядываетъ на Вѣру*).

АННА АЛЕКСѢВНА. Вы не узнали Вѣрочки?

ЗУРАТОВЪ. Mademoiselle Verette! Боже мой!.. Но, вѣдь это не удивительно, вѣдь я видѣлъ ихъ еще вотъ такими, малюткой, il y a dix ans. И притомъ, я не ждалъ встрѣтить: намъ сказали, что M-me Verette за-мужемъ ... не помню, кто говорилъ...

АННА АЛЕКСѢВНА. И, нѣтъ еще...

ЗУРАТОВЪ. Да, я вижу ... Впрочемъ, съ такой красотой ... on ne manque pas d'adorateurs. .

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ. Присядьте, Петръ Ивановичъ; расскажите, что, какъ ...

ЗУРАТОВЪ (*садится*). Да что, mon cher, ваши присутственные мѣста меня замучили; я послѣ того, какъ съ тобой встрѣтился, цѣлый часъ тамъ толковалъ.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ. Я вамъ говорилъ...

АННА АЛЕКСѢВНА. Что ваша Марья Григорьевна, какъ ея здоровье?

ЗУРАТОВЪ. Она и не знаетъ, что я здѣсь; я здѣсь совершенно неожиданно: ѣхалъ въ деревню, (*въ вашу!*), а тутъ дѣла ... Благодарю васъ, она здорова — только ужъ знаете, свѣтъ, выѣзды, — нѣтъ, не то, что молодость!

АННА АЛЕКСѢВНА. А помните, какъ мы танцевали, — балы у Рельковского?

ЗУРАТОВЪ. Оригинальные!... да, умеръ онъ, старикъ; пора ... Нѣтъ, моя Марья Григорьевна утомляется. Помилуйте, до четырехъ, до пяти часовъ на балахъ съ Catherine, визиты, свои вечера, и такъ всякій день. Я имъ говорю только: не безпокойте меня, дѣлайте, какъ хотите ... Устанешь, mon cher, работа, занятія то-же до поздней ночи, дѣятельная жизнь!

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ. Не то, какъ бывало въ Сотинѣ, ужинаемъ за-свѣтло подъ липами.

ЗУРАТОВЪ. Э, qu'est ce que c'est!... Я еще сплю утромъ, а ужъ меня ждуть люди, агенты мои, — работаешь съ ними; тамъ ѣдешь, рыскаешь по дѣламъ ... подряды ... Des sommes immenses, mon cher! это все чрезъ руки проходитъ. Ну, и свои заботы, домъ; чтобъ это было все порядочно, мебель, люди. Вѣль у меня приѣздъ большой, нельзя же! дочь невѣста, это замѣчаютъ, и въ особенности, такая замѣчательная дѣвушка!.. Elle est charmante, mais châ-argante! Въ собраніи — это кружки ... талія превосходна! des bras ... портретъ Madame de Stael! Одѣта въ совершенствѣ ... Это ужъ я забочусь. Нѣтъ, говорю, Марья Григорьевна, вы хоть и нѣжная мать, но, вы хозяйка; и вы мать, значитъ, баловница сыновей; дайте-же мнѣ баловать дочку.

АННА АЛЕКСѢВНА. Ахъ, Петръ Иванычъ!!..

ЗУРАТОВЪ. Mais comment donc, конечно! И притомъ, женщины никогда не изучать всего, что можетъ нравиться; онѣ должны поручать украшать себя тѣмъ, кому желаютъ нравиться... Vous convenez, Mlle Verette?... Хотя, конечно, la beauté n'a pas besoin d'agremens, но въ Петербургѣ нельзя какой-нибудь простенькій туалетъ... да и намъ-то, мужчинамъ нельзя, mon cher! Идешь по Невскому, встрѣчаешь... ну, такъ просто!.. задѣнешь иногда, а тутъ твое неуклюжее пальто какое-нибудь... Это компрометируетъ: знаютъ, кто ты, и вдругъ... А услышать объ этомъ твои знакомые, — можно всего лишиться, и связей, и всего! А у меня, mon cher, развѣ я одинъ? Необходимо удержаться au niveau съ высшимъ-то полетомъ: объ одномъ похлопочешь, за другаго просишь...

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ. Конечно, человекъ обязанъ всеми средствами сохранить свое вліяніе, если этимъ можетъ быть полезенъ для своихъ ближнихъ.

ЗУРАТОВЪ. А у меня, mon cher, посуди самъ, — семь ихъ! Я ужъ не считаю Жаца, этотъ самъ по себѣ, старшій...

АННА АЛЕКСѢВНА. Да, да, вѣдь у васъ ихъ восемь красавцевъ!

ЗУРАТОВЪ. Нѣтъ-съ, не все красавцы; я безпристрастенъ, право... Вотъ Теодоръ, пятый, весь въ меня, дурнашка такая... (*Анна Алексѣвна одобрительно смѣется*). Но есть и хорошенькіе — Валентинъ третій, un grand jeune homme, 22 года, статскій, выпущенъ въ прошломъ году, поэтъ... и знаетъ, злодѣй, что онъ хорошъ! Задумывается, говоритъ увлекаясь, восторженная рѣчь... Mais je regrette, ... не зналъ я, что буду у васъ, я-бы вамъ привезъ; онъ издалъ книжку своихъ стихотвореній, — un succès fou!

АННА АЛЕКСѢВНА. Ахъ, какъ-же вы не подумали, какъ жаль!.. Вѣра! (*дѣлаетъ ей знакъ*). Слышишь, Петръ Иванычъ забылъ...

ВѢРА (*оставляя на минуту свой рисунокъ*). Да, вы доставили-бы намъ намъ большое удовольствіе.

ЗУРАТОВЪ. Je n'en doute pas ... это такой талантъ! Журналы наши, вѣдь это самая черная зависть, il n'y a pas à parler!.. Но въ салонахъ, я вамъ говорю, (*исключительно обращается къ Вѣрѣ*) les dames, все его на рукахъ носили. La petite princesse Башлыковъ, вы знаете, поэтисса, она ему букетъ и посланіе...

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ (*смѣясь*). А онъ что-же?

ЗУРАТОВЪ. Что онъ? Я говорю: вы, туманныя головы, не понимаете житейскихъ интересовъ... Написалъ къ Діацѣ, къ Гекатѣ что-то такое... Ледь!... Впрочемъ, вѣдь это привилегированныя натуры,

поэты; не шутя. Ихъ постичь трудно; ils en veulent plus que nous ne pouvons ... Но что мило, это его споры съ братомъ, съ Леономъ, съ четвертымъ; этотъ годомъ моложе, гвардеецъ, ловокъ и ужъ дамскій угодникъ; весь въ балахъ ... Это моя бабочка, я его называю ...

АННА АЛЕКСѢВНА. Какъ, я думаю, Марья Григорьевна счастлива!

ЗУРАТОВЪ. И не говорите мнѣ! Сыновья, это ея баловни; тутъ я и власть и силу теряю ...

АННА АЛЕКСѢВНА. Малютки вотъ, я думаю, душки; я помню ихъ, когда мы еще жили въ деревнѣ ...

ЗУРАТОВЪ. Да кто-же теперь малютки? Дома одинъ баловень, самый меньшей, восьмой, — Эсперъ, мученіе мое; не знаю, какъ его отнять у Марьи Григорьевны. Впрочемъ, не знаю, какъ самъ съ нимъ разстанусь. Это такой ребенокъ, такія способности, такое соображеніе ... нѣтъ вещи, которой-бы онъ не понялъ и не обсудилъ.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ. Вотъ это счастье, въ мальчикѣ.

ЗУРАТОВЪ. Да ты думаешь, къ чему способность ... ко всему, это я ужъ и не говорю, но особенная — къ механикѣ! Если онъ не найдетъ вѣчное движеніе, такъ вспомни мои слова! Геніальный ребенокъ! Отъ него, просто, прячутъ часы, запираютъ: найдетъ, разберетъ, развинтитъ, и кончено. И посуди, ему только одиннадцать лѣтъ ... Вѣдь этакъ, mon cher, онъ до паровыхъ машинъ доберется; чего-добраго, изобрѣтетъ!

ВѢРА. Но такъ какъ онъ уже изобрѣтены ... (*Мать взглядываетъ на нее строго*).

ЗУРАТОВЪ (*Вѣръ*). C'est cela-même! Вы не спорьте противъ предопредѣленія: за нѣсколько часовъ до рожденія Эспера, у меня въ деревнѣ, такъ всѣ часы въ домѣ перепортились, что всѣ стали; я даже не знаю, въ которомъ часу онъ родился, — alors, voyez-vous!

АННА АЛЕКСѢВНА. Конечно, это странно, это что-нибудь значить.

ЗУРАТОВЪ. Mais, я убѣжденъ!!.. Да и нельзя съ такой семьей не быть фаталлстомъ, помиуйте! Вотъ, я знаю, что мой Теодоръ будетъ морякъ, это я знаю. Задумалъ онъ просить, — отдай я его въ агрономическое училище; но я сказалъ — нѣтъ ... Помилуйте, взгляните на него: весь складъ, вся походка — юнга съ американскаго парохода. Я и сказалъ: нѣтъ, братъ, говорю, гдѣ тебѣ пахать и сѣять, ступай, открывай Америку!

АННА АЛЕКСѢВНА. Ахъ, Петръ Иванычъ, такой-же весельчакъ, какъ и былъ! (*Общій смѣхъ, хотя съ совершенно различнымъ выраженіемъ. Александръ Сергѣичъ подходитъ къ Вѣрь и смѣется,*

глядя на нее. Анна Алексѣвна протягиваетъ руку Зуратову; тотъ пожимаетъ ее весело и безцеремонно).

ЗУРАТОВЪ. Помилуйте, что мнѣ не быть веселымъ! Я могу быть озабоченъ, правда, — свѣше головы озабоченъ, — вы этого понять не можете съ вашимъ состояніемъ. Эти счеты, учеты... Богъ съ ними!

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ. Ну, своя ноша не танеть.

ЗУРАТОВЪ (*встаетъ и подходитъ къ нему и Вѣръ*). Да ты подумай, mon cher ... (*Взглядывается на рисунокъ*). Quel talent!.. Это вы ... vous copiez?

ВѢРА. Нѣтъ.

ЗУРАТОВЪ. У моей Catherine огромный талантъ; (*обращается къ Александру Сергѣичу*) ей профессора Академіи говорили: «бросьте все и рисуйте, только рисуйте, ничего больше, какъ рисуйте...» Она вѣдь страстна pour le dessin; она въ Академіи каждый день...

ВѢРА. Вотъ счастливица! И она много занимается?

ЗУРАТОВЪ. И-нѣтъ, когда-же? Вѣдь это надо посвятить себя, сидѣть дома; ça gâte la taille, сидѣть нагнувшись ... et puis, ces artistes, такой народъ... Я рѣшительно возсталъ, и потомъ (*обращается къ Аннѣ Алексѣвнѣ*) какъ вы думаете, кто мнѣ помочь?

АННА АЛЕКСѢВНА. Кто?

ЗУРАТОВЪ. Францъ Листъ! Онъ у насъ былъ на этотъ споръ... Опъ всякое утро приходилъ, просто, играть съ Катенькой... Онъ говоритъ: «если вы оставите ройяль для этой... bousillage... пачкотни, и я бросаю музыку; говорите, хотите-ли вы этого? говорите!..» А она... что ужъ и говорить!.. J'y ai mis bon ordre, однако, этимъ артистическимъ восторгамъ; сказалъ Марья Григорьевнѣ: вывозите ее, развлеките ее свѣтомъ... Въ свѣтѣ все забывается!

АННА АЛЕКСѢВНА. Да, конечно...

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ. А ваша дочь хорошая музыкантша?

ЗУРАТОВЪ. Sublime, mon cher! Я не знаю, что впрочемъ лучше, она играетъ или поетъ; многіе не могутъ выносить ея голоса. Но какъ она граціозна! Это духъ, дуновение одно, а не дѣвушка! Когда танцуетъ, я, просто, боюсь, — улетишь ты у меня, или тебя умчитъ кто-нибудь, и кончено. И ловка, какъ свѣтская женщина... Откуда, спрашиваю я васъ, у дѣвушекъ берется эта игривость, эти манеры, шикъ этотъ? На воспитаніе, конечно, для нея ничего не щадили, но все-же сама природа-то много сдѣлала!.. Que d'esprit!.. На примѣръ, вотъ недавно, на одномъ вечерѣ... у графини Бредилевичевой. Я смотрю, посланникъ сидитъ, чуть не дремлетъ... ну, некому занять его!

это понятно!.. Увидѣлъ Catherine, ожилъ; подходитъ къ ней и — оторваться не могъ! Благодарить меня: — «я, говорить, до этой минуты, не слышалъ ни родныхъ звуковъ, ни роднаго языка на вашемъ сѣверѣ; это — флорентинка!..» Что-жь мнѣ? Много чести, говорю; спрашиваю только, чѣмъ-же могла занять васъ эта дѣвочка, васъ, чело-вѣка государственнаго? «Не спрашивайте, говорить, прелестное су-щество, все умѣетъ облечь въ прелестную форму, даже нашу сухую, черствую политику!» Нашлась!!.. Да я говорю, что это бѣда: на гу-ляньяхъ, на балахъ, это, вотъ, по пятамъ за ней все!!.. Если раз-сказывать когда, и какъ, и кто... такъ можно сказать, что я лгу просто!

АННА АЛЕКСѢВНА (*немного затруднена*). Нѣтъ, конечно...

ЗУРАТОВЪ. Для этого-то вѣдь и не выѣдешь изъ Петербурга. Вѣдь, что-жь, mon cher, чего-жь здѣсь и ждать, dans ce trou; гдѣ вы живете, вѣдь c'est un trou! Я вѣхалъ — испугался. Гдѣ домъ, говорю, укажите мнѣ, гдѣ здѣсь люди!!.. Une horreur! семь часовъ утра, ужъ все вскочили... А какія шляпки я видѣлъ на вашихъ улицахъ, ну, ужъ je vous demande pardon. Э — это прелесть!..

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ. Э, батюшка, что такъ немилосердо! Дав-но-ли вы сами здѣсь жили-поживали, да и еще не въ губернскомъ городѣ, а въ деревнѣ, верстъ за сто. Вспомните, наши супруги сами щеголяли въ прошлогоднихъ шляпкахъ.

ЗУРАТОВЪ. Когда-же это?

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ. Какъ, когда? Въ деревнѣ, попросту, безъ затѣй. Вы тогда пріѣхали съ вашей Марьей Григорьевной, получили наследство послѣ вашего батюшки; домъ-то былъ на боку, все было запущено, и хозяйство, и все; надо было строиться... Еще лѣсъ вамъ поставлялъ, своего не было, купецъ Поташовъ, славный старикъ, цар-ство ему небесное...

ЗУРАТОВЪ. Поташовъ... право не помню.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ. Какъ-же, умный былъ, честный старикъ, и презабавный, бывало, помните, морить насъ со смѣху, — у меня соберемся..

ЗУРАТОВЪ. Не помню, вовсе не помню!

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ. Да еще лѣсъ онъ вамъ въ долгъ ставилъ, выручалъ васъ, никакъ года два, — больше ждалъ. Извернуться-то трудно было; хорошо еще, что семья была не велика у васъ, двое только..

ЗУРАТОВЪ. Да, Жанъ и Грегуаръ...

АННА АЛЕКСѢВНА (*обрадовавшись возможности перемѣнить раз-*

9304.

говоръ). Ахъ, что-же вы о нихъ ничего намъ не сказали!

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ (*прерываетъ жену и останавливаетъ Зуратова, который уже готовъ говорить*). Я что хочу сказать,— что жили мы въ глуши, были мы небогаты, но весело жилось. Право, мы были не медвѣди, и читали, и занимались. Общество наше, право, было недурное общество; прехорошенькія были дѣвушки..

ЗУРАТОВЪ. О, о, entendez-vous? Слышите, M-me Verette, какъ вашъ панъ увлекается воспоминаніями? Continuez, mon cher, мы знаемъ, что ты всегда былъ дамскій угодникъ и что Анна Алексѣвна драла тебя за уши... Voilà! (*Хохочетъ; Анна Алексѣвна вторитъ ему, дѣлая знаки мужу*).

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ. И все вздоръ! жены наши были милыя женщины...

ЗУРАТОВЪ. Un compliment à vous, madame!

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ. Лучше пежели теперь, потому-что онѣ изважинчались и стали чопорными барышнями, а тогда держали себя мило и просто, не мечтали о высшемъ кругѣ; какіе Богъ имъ далъ таланты...

ЗУРАТОВЪ. Я помню только, была тамъ... какъ ее? барышня эта, съ гитарой...

АННА АЛЕКСѢВНА (*въ восторгъ, что можетъ прервать*). Любовь Аоонасьевна!

ЗУРАТОВЪ. Я помню, какъ Любовь Аоонасьевна пѣвала: «Ударилъ часъ...» Vous connaissez la romance, M-me Verette? спросите у своего папаша... Охъ, папаша! Это, mon cher, было когда-то хорошо...

АННА АЛЕКСѢВНА. Да вѣдь теперь совсѣмъ другое время.

ЗУРАТОВЪ. Vous avez parfaitement raison, ра-а-faitement! Другой вѣкъ, другія требованія. Теперь и не заглянешь въ деревню, а заглянешь — бѣжишь, сломя голову...

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ. Для чего-же вы затѣяли такія постройки въ Сотинѣ?

ЗУРАТОВЪ. Да вѣдь il faut donc avoir un pied-à-terre, пріѣдешь, не въ избѣ-же жить. Домъ, вы помните, гадость была; а ужъ твой— я и не знаю что. Распорядился поправить это. Да еще мужикамъ надобно.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ. У меня онѣ были славно обстроены.

ЗУРАТОВЪ. То-то, mon cher, знаемъ мы; они были богаче тебя.

Я ихъ переселяю. А твой домъ — это клѣтка, заросъ весь въ рошѣ, зги не видно; только и годится что на pavillon de chasse. Леонъ помѣститъ тамъ своихъ собакъ, когда пріѣдетъ въ отпускъ. Я велѣлъ запустить все, и садъ твой бывший; пусть дичаетъ.

АННА АЛЕКСѢВНА. Фруктовый?.. тамъ были отличныя яблони...

ЗУРАТОВЪ. Parlez m'en! Старыя! Я самъ въ деревнѣ не живу, такъ мнѣ ихъ беречь развѣ для дохода, ça ne vaut pas la peine.

АННА АЛЕКСѢВНА. Какія-же онѣ старыя...

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ. Душа моя, Петръ Ивановичъ знаетъ лучше, онъ хозяинъ.

ЗУРАТОВЪ. Конечно, c'est moi, вѣдь, qui suis le propriétaire. Къ тому-же, вся эта деревня, всѣ эти затѣи для Грегуара.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ. Для вашего втораго сына?

ЗУРАТОВЪ. Да. Онъ и Жанъ, старшій, это у меня философы. Они, вѣдь, очень ушли годами отъ другихъ братьевъ, ну, и très liés между собою, и заслужились такъ, что страхъ. Жану это ничего, а Грегуаръ слабаго здоровья; я хочу его вытащить, скажу: оставь-ко свою книжную и бюрократическую премудрость, да отдохни въ лонѣ природы. И увезу его въ деревню, поживетъ лѣто.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ. И больше можно; поучится, займется, похозяйничаетъ.

ЗУРАТОВЪ. О, нѣтъ, нѣтъ. Ему того-то и хочется, mon cher, да это не моя цѣль; мы съ нимъ не поладимъ въ нѣкоторыхъ вещахъ, — ah! c'est une tête forte, — о, il a des idées ... Пусть онъ просто погоститъ да пофилософствуетъ dans la solitude, знаешь.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ. А Иванъ Петровичъ служатъ?

ЗУРАТОВЪ (*безъ прежняго увлеченія*). Да ... Жанъ счастливъ, ему везетъ. Серьезный человекъ, и нельзя сказать, чтобы очень практической. Мы его мало видимъ, все занятъ. Не танцуетъ, очки надѣлъ, читаетъ съ утра до ночи ... Онъ, вѣдь, такимъ и общалъ быть.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ. О, нѣтъ, я помню онъ живой былъ, веселый; развѣ петербургская жизнь ...

АННА АЛЕКСѢВНА. Вотъ, я думаю, кому было-бы пріятно пожить въ деревнѣ, въ Сотинѣ, — это вашему Жану; тамъ прошли его лучшіе годы, дѣтство, первая молодость...

ЗУРАТОВЪ. О... oui, конечно.

АННА АЛЕКСѢВНА. Какъ онъ тогда пріѣзжалъ, студентъ, поэтъ ... какъ онъ тогда хорошъ былъ.

ЗУРАТОВЪ. И — нѣтъ, онъ, знаете ... не хорошъ, но distingué.

АННА АЛЕКСѢВНА. Ахъ, нѣтъ, очень хорошъ!.. Я такъ это помню... Да вотъ, Вѣра .. Вѣдь это первыя впечатлѣнiя ... Еслибы они сошлись... я думаю, много-бы сотинскiя аллеи напомнили Жану ...

(По какой-то странной тишинѣ Анна Алексѣвна замлъчаетъ, что увлеклась, впрочемъ, совершенно безъ намъренiя. Она осматривается. Мужъ внимательно глядитъ въ ближнюю жардиньерку, Вѣра прилежно рисуетъ, Зуратовъ какъ-то непокоенъ. Всъ, кажется, какъ сплдуетъ занять другъ другомъ, но всъмъ какъ-будто неловко. Анна Алексѣвна продолжаетъ, чтобы не замолчать).

Эти первые годы, эта поэзiя...

ЗУРАТОВЪ *(вертитъ свои брелоки и укръпляется на диванъ).* Да-съ, mais c'est passager!.. Онъ теперь далеко не то. Я ему сказалъ, что хоть и имѣю теперь прекрасное состоянiе (двѣ тысячи душъ), но, васъ много, mon cher, а съ твоей стороны какая-нибудь глупость, вѣдь это разръшенiе другимъ не глупости: ты старшiй! Такъ какъ знаешь ... А я его хорошо знаю ... Притомъ, вѣдь надобно, чтобы и свѣтское положенiе, и все отвѣчало...

(Вѣра взглядываетъ на мать и опять принимается работать. Анна Алексѣвна не замлъчаетъ, потому-что сильно сконфужена).

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ *(оставя жардиньерку).* Иванъ Петровичъ служить у князя; это одно съ нами министерство.

ЗУРАТОВЪ. Да, mon cher, да!.. Да князь какъ расположенъ къ нему, ты подумай. Жанъ тамъ весь день, работаетъ съ княземъ, обѣдаетъ. . Et puis, le ministre вѣдь свой, родня.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ. Вамъ?

ЗУРАТОВЪ. Князю ... А князь у меня очень часто, придетъ ... Я нанимаю домъ, такъ, въ двухъ шагахъ. Придетъ, сидитъ, старенькiй, бѣленькiй. Catherine ему поетъ. Иногда, некогда, такъ ужъ ихъ вдвоемъ и оставишь, однихъ; просто сидитъ себѣ, что-нибудь такое на немъ на ватѣ ... Ну, les grands diners, дѣло другое; я ему и говорю наканунѣ: не угодно-ли, ваше сiятельство, завтра ко мнѣ кушать, только ужъ не угодно-ли и ленту надѣтъ ... Право!.. Только, вотъ, навязалъ онъ мнѣ дѣло, старшiй, не знаю какъ быть ...

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ. Что такое?

ЗУРАТОВЪ. Да дѣло—то очень пріятное, только хлопоты. Видишь-ли; присыластъ одинъ день за мной, бѣгомъ... Или, нѣтъ, самъ бѣжитъ. «Вотъ, говоритъ, ишутъ мнѣ изъ Крыма, продается имѣніе рядомъ съ моимъ.» Ты представь, вотъ имѣніе князя, вотъ Орианда, а это тутъ, между ними—то, въ срединѣ... «Я, говоритъ, не хочу имѣть другаго сосѣда, кромѣ тебя, покупай!» Что будешь дѣлать? L'argent, mon cher, ça ne me gêne pas; у меня недоставало бездѣлицы, въ то-же утро нашель... Можешь меня поздравить владѣльцемъ, mais, un bien magnifique! Виноградники... двадцать—три тысячи однихъ минда-льныхъ деревьевъ!! Un Eden!.. я еще тамъ не былъ, но вотъ, какъ весна, ѣду. Вѣдь се seroit une bêtise отказаться изъ какихъ—нибудь мелочныхъ расчетовъ. Мы съ княземъ, какъ путь, такъ и ѣдемъ.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ. Что-же васъ затрудняетъ?

АННА АЛЕКСѢВНА (которая нѣсколько оправилась). Это должно быть восхитительно!

ЗУРАТОВЪ. Sans doute, на южномъ берегу-то; вы, можетъ быть, на картинкахъ въ Памятной Книжкѣ видѣли? ну вотъ... Да и невоз-можно не имѣть помѣстья въ Крыму, помилуйте! На дачахъ все при-смотрѣлось, прислушалось; за границей все вздоръ теперь такой. Catherine ѣхать въ деревню, спросятъ: куда? Не сказать-же въ—Соти-но, une trivialité comme cela! Да у меня-же свои коммерческіе расче-ты; я вѣдь сталъ, mon cher, un commerçant jusqu'à la racine des cheveux. Но хлопоты... Большое имѣніе; я управляющему назначаю шесть тысячъ въ годъ.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ. Славно.

ЗУРАТОВЪ. Sans doute, находка pour des petits gens, на гото-вомъ—то. Вы тутъ, въ провинціи рады, я думаю... Ты что получаешь?

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ. Три тысячи.

ЗУРАТОВЪ. Ну, voilà!.. Да хочешь ко мнѣ? Я для знакомаго на-бавлю, дамъ шесть тысячъ пять сотъ, съ радостью... M-lle Verette рисовала—бы виды...

АННА АЛЕКСѢВНА. Виды, конечно, чудесные...

ЗУРАТОВЪ. А ужъ вы, Анна Алексѣвна, такъ сады, розы... Вы тутъ ухаживаете, вотъ, за этимъ (*презрительный жестъ на цвѣты*),

а тамъ у меня ... ну, лучше чѣмъ у меня на дачѣ въ Павловскѣ... Рѣшайся, mon cher! Полно вамъ косить въ вашей провинціи. Странная у васъ натура; нѣтъ стремленія ни къ чему, къ выходу, вотъ, изъ этого прозябанія...

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ. Что-жъ дѣлать, будемъ прозябать какъ ни-будь; я привыкъ служить, можетъ быть, на своемъ вѣку и сдѣлалъ что-нибудь доброе и отставать не стану.

ЗУРАТОВЪ. Mais, вѣдь, c'est de l'égoïsme!

ВѢРА. Нисколько. (*Отецъ взглядываетъ на нее съ нѣжностью*).

ЗУРАТОВЪ. Тебѣ-бы никакого не стоило труда: устроилъ тамъ все, привелъ въ порядокъ, наблюдай, и кончено. Я самъ туда переѣду, какъ покончу нѣкоторыя дѣла, особенно если устроится одинъ проэктъ князя въ отношеніи Жана... Un projet en l'air: племянница князя, une charmante personne, полторы-тысячи душъ, должна воротиться изъ-за границы. Мы съ княземъ рѣшили, что женимъ нашего философа, устроимъ ихъ, а сами на покой. Иногда, знаешь, mon cher, отзываются эти заботы, устаешь. Вы тутъ сидите въ вашихъ присутствіяхъ, не знаете что такое это утомленіе; а какъ тамъ, сегодня, завтра, министры да генералы, биржа да спекуляціи, опера да то, да другое, и захочешь отдохнуть... Нѣтъ, я ужъ сказалъ — женю Жана, пошлю Грегуара въ деревню, Эспера въ школу, Марьѣ Григорьевнѣ деньги въ руки и за-границу съ Catherine и двумя demoiselles de compagnie, а самъ съ княземъ въ Крымъ. Пора на покой.

АННА АЛЕКСѢВНА. Такъ вы все и разлетитесь по разнымъ сто-роцамъ.

ЗУРАТОВЪ. Такъ все и разлетимся. Да помилуйте, что это за патриархальная жизнь, всемъ вмѣстѣ; j'ai vraiment l'air d'un patriarche, еще внучки пойдутъ, parlez m'en! Я еще хочу наслаждаться жизнью и свободой; что жъ вотъ такъ усеѣтся, какъ онъ...

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ. Что-жъ дѣлать, батюшка, усядемся.

ЗУРАТОВЪ. Il fallait prendre ses mesures, я тебѣ говорилъ: эй, не пускайся въ обороты! Такъ и вышло—оборотилъ свое Сотино...

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ. Ну, ужъ это старая исторія.

ЗУРАТОВЪ (*смѣется*). De l'histoire ancienne!.. Ахъ, да, прощайте, я засидѣлся у васъ...

АННА АЛЕКСѢВНА (*встаетъ вслѣдъ за нимъ*). Все-таки были у насъ, не забыли своихъ старыхъ ... знакомыхъ.

ЗУРАТОВЪ. Это, вотъ, онъ мнѣ встрѣтился; а то, право не знаю, дѣль такая бездна, я вѣрно-бы и не былъ у васъ.

АННА АЛЕКСѢВНА. Прощайте; на долго-ли теперь?

ЗУРАТОВЪ. Ужъ не знаю! Надѣюсь никогда меня Богъ не занесетъ въ вашу глушь ... c'est à y perdre la tête. Вѣрите-ли, дець пробудешь, такъ отъ всего отстанешь... Прощай, mon cher, закоснѣлый мой провинціалъ. Будешь въ Петербургѣ, заверни; впрочемъ, не знаю, найдешь-ли меня дома.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ. Благодарю васъ. (*Зуратовъ прощается съ Анной Алексѣвной и кланяется Вѣрѣ*).

АННА АЛЕКСѢВНА. Поцѣлуйте за меня Марью Григорьевну, попросите, чтобы не забыла... Catherine, всѣхъ, всѣхъ вашихъ... Скажите, что я желаю имъ всего на свѣтѣ лучшаго... (*Она и мужъ провожаютъ Зуратова*).

IV.

Возвратясь, **АННА АЛЕКСѢВНА**, смотритъ въ окно, **АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ**, подходитъ къ **ВѢРѢ**. Молчанію.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ. Ты что-же не пожелала всего лучшаго?

ВѢРА (*поднимаетъ голову отъ рисунка*). Кому, папà?

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ. Кому?.. О, дитя мое! Что-жъ дѣлать! (*обнимаетъ ее съ ипжностью*). Ты что, моя старуха?

АННА АЛЕКСѢВНА. Ничего, душа моя, такъ.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ. Вотъ и философія, толкуйте, какъ хотите! Вѣдь кто такой былъ? Зуратовъ, ничего больше, а отчего же это... И на себя оглянешся, и на другихъ, и прошлую жизнь вспомнишь... кажется, безпристрастно даешь цѣну всему; кажется, стоилъ-бы самъ... Досадно! И соврать не смѣешь, когда чувствуешь, что у тебя въ карманѣ пусто...

В. Крестовскій *.

* Долгомъ считаемъ замѣтить, что авторъ этой статьи вовсе не тотъ Крестовскій, который поставлялъ бенефисные фарсы подъ названіемъ Цыганокъ, Татарокъ, Казачекъ и проч. Предлагаемая здѣсь статья принадлежитъ перу очень извѣстнаго и талантливаго автора, скрывающаго свою настоящую фамилію подъ псевдонимомъ В. Крестовскаго. *Ред.*